

Е.Н.Дик

Восприятие правительством Российской империи Мексики в период правления Порфирио Диаса (1890—1911)

Статья представляет собой перевод исследования, опубликованного в издании столичного Автономного университета Истапалана г. Мехико «Signos Históricos», N 5/2001. Материал любезно предоставлен нашему журналу послом Мексики в РФ г-ном А.Пересом Браво в год 120-летия установления дипломатических отношений между нашими странами.

Ключевые слова: империя, республика, диктатура, экономический либерализм, неудачные реформы, дипломатия, общественное мнение.

Отношения между двумя государствами имеют давнюю историю, зародившуюся в конце XVIII в. После обретения Мексикой независимости Россия активизировала с ней торговые отношения, и только нестабильное* положение креольской республики воспрепятствовало в 30-е годы XIX в. планам Русско-американской компании побудить обе страны к установлению дипломатических отношений.

Позднее, после ухода императорской России с американского континента в связи с продажей ею Соединенным Штатам в 1842 г. Форта Росс в Калифорнии и Аляски в 1867 г. российский интерес к Мексике ослаб, несмотря на формальное установление дипломатических отношений с Мексиканской империей Максимилиана.

Начиная с 70-х годов XIX в., особенно с ростом российского интереса к тихоокеанскому побережью Мексики, создались благоприятные условия для ус-

Евгений Николаевич Дик — кандидат исторических наук, работал в Институте российской истории РАН, преподавал в мексиканских университетах. Скончался в 2002 г. в г. Мехико.

* Тезис автора о «нестабильности» верен лишь отчасти. Главной причиной, помешавшей установлению дипломатических отношений России с Мексикой в тот период, явились, с одной стороны, принцип легитимизма (т.е. признание только монархии) в тогдашней российской внешней политике, а с другой — предубеждение Николая I к молодым республикам Латинской Америки, возникшим на гребне ненавистных царю революционных событий (здесь и далее — примечания доктора исторических наук А.И.Сизоненко, ИЛА РАН).

Дипотношения с Мексикой Россия установила при Александре III

тановления дипломатических отношений между Российской империей и правительством Порфирио Диаса. Они были установлены в декабре 1890 г., и это положило начало развитию экономических, политических и культурных связей между обеими странами.

Взгляд на Мексику, четвертую латиноамериканскую страну после Бразилии, Перу и Аргентины, с которой Россия установила формальные дипломатические отношения, имеет особую значимость, учитывая, что Мексика была самой крупной республикой в Испанской Америке после Аргентины и, кроме того, являясь соседкой Соединенных Штатов, занимала выгодное стратегическое положение.

В глазах цивилизованного европейского мира на смену представления о Мексике, как о стране беззакония, республике, родившейся в результате царевубийства императора Максимилиана Габсбурга, пришло восхищение достижениями прави-

тельства Порфирио Диаса. Это почти полностью изменило образ страны.

Официальное российское восприятие Мексики следовало общеевропейскому мнению об этой стране: прогрессивная республика*, процветающая под твердой рукой великого человека. Таким образом, начиная с установления дипломатических отношений в 1890 г. и до падения правительства Диаса в 1911 г., над развитием контактов между Россией и Мексикой витала тень великого мексиканского диктатора.

Действительно в конце XIX в. Россия и Мексика имели некоторые сходные черты как в своем экономическом, так и политическом развитии. Обе страны проходили этап быстрой модернизации и интеграции в мировой рынок под руководством авторитарных правительств.

Как мексиканская администрация, так и российское императорское правительство понимали сложность проблем, вызванных происходящими переменами, искали пути сохранения существующих политических структур, избегая, по возможности, осложнений в области внешней политики без ущерба для своего международного престижа. Такая позиция привела, с одной стороны, к растущему кризису в отношениях между Мексикой и Соединенными Штатами, а с другой — к провалу** российской политики балансирования между своими

* Весь этот абзац звучит неубедительно. Нет ссылок на «официальное российское восприятие». Говорить о «величии мексиканского диктатора» неуместно, зная истинное крайне отрицательное отношение в Мексике к диктатуре Диаса.

** Никакого провала не было. Россия в 80-е годы взяла твердый курс на сближение и союз с Францией (а не с Германией).

двумя союзниками — франко-британским блоком и германскими державами. В конце эпохи порфириата, как и в последние годы царизма, попытки реформ и политических изменений тормозились реакционными и консервативными взглядами глав обеих стран. В России после убийства Столыпина, премьер-министра полуконституционной страны, затормозилось осуществление реформистского курса, принятого после революции 1905 г. и усилилось противостояние Думы и правительства в обстановке широкого социального недовольства радикальных кругов русского общества, либеральной интеллигенции и российских социалистических партий. В Мексике застойность режима с его повторяющимися переизбраниями президента и постоянным мошенничеством на выборах вместе с уже неэффективным клиентелизмом привели к возникновению в 1910 г. мадеристского движения, которое вышло за границы обычной политической оппозиции и взяло революционный курс.

Однако российское общественное мнение, считавшее Мексику в период креольской республики нестабильной страной, начиная с ее сопротивления под руководством Бенито Хуареса французскому вторжению и особенно с установлением порфиристского режима, начало рассматривать ее как прогрессивную и даже как своего рода образцовую страну*. Этот позитивный взгляд разделяли как консервативные, так и либеральные общественные круги России¹. Если даже сам Лев Толстой называл Диаса «чудом природы», то нет ничего удивительного в том, что Мексика, которую на заре XX в. часто посещали русские путешественники и где к 1911 г. имелись российская миссия и четыре консульства, привлекала взгляды не только путешественников и дипломатов. Русская пресса также проявляла к ней живой интерес. В печатных органах императорского правительства, таких, как газета «Россия», созданная по инициативе Столыпина, и «Вестник финансов, торговли и промышленности», издаваемый министерством финансов, отражался официальный и полуофициальный российский взгляд на Мексику и публиковались статьи российских и мексиканских дипломатов. Количество публикаций возросло в 1910 г. в связи с расширением взаимных торговых и экономических связей и усилением дипломатического вмешательства Мексики во внутренние противоречия в Центральной Америке.

Официальное восприятие Мексики в России нашло яркое отражение в ходе выполнения своей миссии бароном Романом Розеном, одним из наиболее блестящих царских дипломатов, на которого в 1890 г. была возложена задача по установлению дипломатических отношений между двумя странами.

По поручению российского министерства иностранных дел и императорского военно-морского флота Розен подготовил подробный доклад** о возможности использования мексиканско-английских противоречий как важного фактора в стратегическом сближении России и Мексики в свете российско-британского соперничества в мире. Установление дипломатических отношений между Россией и Мексикой явилось результатом растущего российского стратегического интереса к тихоокеанскому побережью

* К сожалению, автор не подтверждает это ничем, слова Л.Толстого вырваны из контекста.

** Это был обычный (не секретный) доклад, вызванный обеспокоенностью Мексики маневрами английского флота у ее берегов. Свою тревогу мексиканская сторона довела до сведения России и выразила желание форсировать нормализацию дипломатических отношений с ней.

Николай II. При нем двусторонние отношения получили дальнейшее развитие

стран». По мнению Розена, финансовая стабильность и процветание Мексики зависели не от займов, предоставляемых Соединенными Штатами, а от финансовых рынков Лондона и Берлина³. Эта зависимость мексиканского правительства от иностранных займов была столь значительной, что ограничивала его возможности политических маневров в международных отношениях.

Розен отмечал незначительный интерес, который российская сторона проявляла к тихоокеанскому побережью Мексики, где имелись только американские и германские консульства. Суда Соединенных Штатов, принадлежавшие «Pacific Mail Steam Ship Company», осуществляли регулярное сообщение между Сан-Франциско и Панамским каналом и получали помощь от американских консульств. В тихоокеанские порты заходили только суда Соединенных Штатов и Германии. Поэтому даже Великобритания имела на тихоокеанском побережье только почетного консула в Масатлане⁴.

Розен подчеркивал слабость Мексики и особо обращал внимание как на отсутствие связи между портами и столицей страны, так и на отсутствие вооруженных сил для охраны побережья. Эта оценка Розена была очень точной. Действительно, Мексика в 80-е годы XIX в.⁵ на всем тихоокеанском побережье имела всего два военных корабля. Розен сообщал, что только порт Гуаймас был связан с сетью национальных железных дорог, но через железные дороги Соединенных Штатов путь от Мехико до Гуаймаса занимал пять дней. Розен также отмечал отсталость и заброшенность мексиканского тихоокеанского побережья, особенно мексиканской Калифорнии. К этому военно-стратегическому докладу было приложено почти 120 листов карт и подробных

латиноамериканских стран. Императорское Адмиралтейство в переписке с министром иностранных дел России Н.К.Гирсом подчеркивало стратегическое значение тихоокеанского побережья Мексики даже без открытия Панамского канала². В этой связи Розен должен был собрать самые различные сведения о международной позиции Мексики, ее обороноспособности на море, а также о состоянии ее океанских портов.

В апреле 1890 г. Розен информировал российское министерство иностранных дел, а оно в свою очередь Адмиралтейство, о стратегическом и международном положении Мексики. Российский дипломат особо отмечал, что Мексика поддерживает тесные связи с Великобританией и Германией — державами, враждебными России. Мексика, по его сообщениям, «находится и возможно будет находиться в течение длительного времени в финансовой зависимости от этих двух

описаний почти всех мексиканских портов как на Тихом океане, так и в Мексиканском заливе (карта № 342).

В этом приложении дается подробное описание географического расположения основных портов, их товарооборота, путей сообщения с внутренними районами страны, экономического положения прибрежных районов, отмечается наличие заводов, шахт, говорится о значении всех портов и торговых центров побережья Мексики для сельского хозяйства. Особое внимание уделено положению в Пуэрто-Анхель, Ла-Пасе, Кабо-Сан-Лукасе, Баии-де-ла-Магдалена и Тодос-Сантосе на тихоокеанском побережье, а также в Пуэрто-Прогресо, Исле-дель-Кармен и Фронтере в районе Кампече. Детально описаны наиболее важные порты — Веракрус, Тампико, Сан-Блас и другие⁶.

Слабый и зависящий от иностранных специалистов мексиканский военно-морской флот не мог эффективно поддерживать мексиканскую внешнюю политику, поэтому в планы европейских держав, а также России и Соединенных Штатов входило создание на мексиканском побережье полулегальной военно-морской базы или просто использование заброшенного побережья, без одобрения правительства Республики, в случае крупного вооруженного конфликта^{7*}.

Возможно, что Розен располагал не только общедоступной информацией, такой, как карты и официальные доклады, но и имел в портах сеть информаторов, особенно среди германских коммерсантов и вероятно среди некоторых офицеров мексиканского военно-морского флота. Это предположение можно сделать, основываясь на анализе представленной им информации. Приводятся подробные сведения о берегу, морских глубинах, имеющихся торговых предприятиях и владельцах некоторых местных торговых фирм в таких отдаленных местах, как Соконуско и Тонала.

Сам посланник признавал, что при составлении этого подробного исследования получал ценную помощь со стороны секретаря германской миссии в Мехико господина Гоша, который прекрасно говорил по испански и собирал различную статистическую информацию⁸.

Восприятие Мексики как страны, зависящей от великих европейских держав и имеющей весьма незначительные возможности маневра при проведении активной внешней политики, с почти несуществующим военно-морским флотом, но важной с геостратегической точки зрения и в свете интересов английского империализма, было подтверждено как Розеном, так и различными российскими дипломатическими и военными источниками в ходе установления дипломатических отношений с Мексикой⁹.

В годовом докладе министерства иностранных дел России императору отмечалась важность восстановления отношений с Мексикой после трагических событий 1867 г. (Россия признала империю Максимилиана**). Мек-

* В планы Санкт-Петербурга никогда не входило создание на мексиканской территории баз или использование побережья этой страны без одобрения ее правительства. У России вообще никогда подобных проектов относительно Латинской Америки не существовало. Другое дело, что Россия в связи с развитием Дальнего Востока и своего тихоокеанского флота рассматривала возможность захода наших кораблей в мексиканские морские порты.

** Российский посланник тогда в Мексику не прибыл и верительных грамот императору не вручал.

сика рассматривалась как важная точка для сбора информации о положении в Америке, особенно в свете усиления панамериканского движения. Также подчеркивался сложный и неровный характер ее отношений с Соединенными Штатами. В докладе отмечалось, что мексиканцы с полным основанием опасались за независимость своей родины перед лицом североамериканского экспансионизма. Эти опасения усилились в связи с тем, что уже в 90-е годы XIX в. США «завладели всеми финансовыми компаниями, железными дорогами и торговлей Мексики» и вынашивали планы территориальной экспансии на ее севере в поисках пути к району проектируемого тогда центральноамериканского канала¹⁰.

Годом позже, в 1891 г., в очередном докладе МИД российскому императору отмечалась важность установления отношений между двумя странами с учетом того, что при общем кризисе южноамериканских государств Мексика занимала привилегированное положение на пути к процветанию и прогрессу*. Этот прогресс гражданского и экономического развития связывался с длительным пребыванием у власти президента Диаса¹¹. Подчеркивался тот факт, что мексиканское правительство стремилось расширить и диверсифицировать свои международные связи, установив дипломатические отношения также с Японией и Китаем. Не опасаясь китайской эмиграции в Мексику, правительство Диаса намеревалось заключить с этой страной торговый договор. Готовилось также торговое соглашение с Соединенными Штатами, основанное на принципе взаимности, хотя и отмечалось, что мексиканское общественное мнение заранее считало, что оно будет благоприятствовать только США¹².

В докладе, представленном МИД Николаю II в 1897 г., утверждалось, что Мексика выделяется своим благосостоянием среди других латиноамериканских республик благодаря ее «талантливому и энергичному президенту Диасу», который сосредоточил в своих руках невероятную власть и «использует ее действительно для блага страны»¹³.

В российском докладе говорилось о больших успехах мексиканской дипломатии, таких, как договор о границе с Британским Гондурасом, и упоминались некоторые уступки, сделанные Лондоном Мексике в отношении мореплавания в пограничной с Юкатаном зоне. Царя также информировали о том, что создание «Великой Центральноамериканской Республики» не встречало поддержки со стороны Мексики, поскольку там считали, что этот союз был инспирирован Соединенными Штатами¹⁴.

К началу войны 1898 г. между Испанией и Соединенными Штатами Мексика производила впечатление хорошим состоянием своих финансов и неприятием территориальных претензий Франции на о-ва Клиппертон в Тихом океане¹⁵.

Диас, по мнению российских дипломатов**, несомненно являлся образцовым правителем, и некоторые из них, в частности Розен, даже стали личными друзьями его и его семьи. Подробные доклады Розена о внутреннем и внешнем положении страны являются ценным источником информации о мексиканской политической жизни 90-х годов XIX в.

* Весьма сомнительно, чтобы можно было говорить о «процветании и прогрессе» в порфиристской Мексике.

** Где изложено это мнение?

В своем сообщении в августе 1891 г. Розен дал исчерпывающий анализ хода переговоров между Мексикой и Соединенными Штатами о подписании торгового соглашения, мало популярного в Мексике. По Розену, мексиканцы считали, что это соглашение предоставляло американцам широкие экономические преимущества. Министр финансов Мексики Хосе Ив Лимантур, в свою очередь, считал, что взаимное снижение тарифов возможно, как и принятие Мексикой пересмотренного торгового соглашения со своим северным соседом. Позднее Розен сообщал, что поездка Диаса за рубеж, особенно во Францию, успокоила Вашингтон. Соединенные Штаты опасались, что сближение с Францией может привести к тому, что Мексика предоставит ей экономические преимущества в ущерб североамериканским интересам. Доверие французских инвесторов к Мексике, подорванное после событий

Порфирио Диас

60-х годов XIX в., может укрепиться, и тогда Мексика сможет рассчитывать на французскую помощь и инвестиции¹⁶. Розен также подробно информировал о политическом сближении между Мексикой и Японией в 90-е годы XIX в.¹⁷.

Восприятие Мексики как государства с обширными международными связями и гаранта мира в Центральной Америке, латиноамериканской страны, способной в своей внешней политике поддерживать баланс в отношениях с Соединенными Штатами, Европой и Японией, с производившей хорошее впечатление экономикой и положительный образ самого Диаса нашло отражение в том, что российское правительство пригласило Мексику принять участие в Гаагской мирной конференции в 1899 г., где Мексика и Соединенные Штаты были единственными участниками с американского континента. О сближении между Россией и Мексикой и о своего рода «духе Гааги» говорилось в послании министра иностранных дел Игнасио Марискаля своему российскому коллеге. С согласия Диаса Марискаль утверждал, что идеи русского царя, особенно «дело человеческой солидарности, филантропии и прогресса побуждают стремиться к тому, чтобы международные конфликты предупреждались или решались мирными средствами, а также изучить, какие средства существуют для того, чтобы положить конец росту вооружений на земле и на море»¹⁸. Таким образом, позиция Мексики в вопросе о международных конфликтах, особенно в Центральной Америке, заранее рассматривалась в Петербурге как борьба за мир. Политика Мексики в Центральной Америке подтверждала официальный российский тезис о том, что она является стражем мира в

регионе. Мексиканская дипломатия стремилась использовать политические методы в поиске разрешения конфликтов в этом районе. Усилия Мексики и ее приверженность международному праву высоко оценивались в Петербурге.

В тот период Мехико решительно выступал против любых объединений Центральной Америки, которые рассматривались им как путь для усиления североамериканского присутствия в этом районе и, следовательно, могли бы создать угрозу для мексиканской безопасности как на северной границе страны, так и на южной. Разрешение территориального конфликта с Британской империей по вопросу границы с Британским Гондурасом и мексиканский нейтралитет во время конфликта между Соединенными Штатами и Испанией в 1898 г. вписывались в рамки политики «социального империализма», стремившейся продемонстрировать независимость мексиканской внешней политики от Соединенных Штатов. Поэтому неслучайно, что Диас завоевал признанный авторитет, особенно на Мирной конференции по Центральной Америке в Вашингтоне в 1907 г.¹⁹.

Во время вручения в декабре 1906 г. своих верительных грамот новый российский чрезвычайный посланник и полномочный министр Григорий де Воллан сказал, что от имени царя приветствует в лице президента Диаса не только «выдающегося патриота», но и государственного мужа, выступающего за «всеобщее умиротворение соседних республик»²⁰.

Г. де Воллан, прибывший в Мексику еще в 1902 г. в качестве первого секретаря российской миссии, установил тесные связи с латиноамериканским дипломатическим корпусом еще во время работы в Вашингтоне в 1896—1902 гг. будучи первым секретарем российской миссии в американской столице. Блестящая карьера не только дипломата, но и литератора, автора ряда книг и очерков на различные темы, владение несколькими языками и определенные либеральные симпатии сделали его влиятельным пропагандистом знаний о Мексике в России.

Для обогащения этих знаний де Воллан опубликовал в либеральном журнале «Исторический вестник» очерк «В царстве Монтесумы», иллюстрированный фотографиями. Он учился в университетах Гейдельберга и Лейпцига в Германии, в Московском университете, в 1868 г. в возрасте 21 года окончил Новороссийский университет в Одессе. В качестве добровольца служил в сербской армии во время войны 1876 г., активно участвовал в панславистском движении, а позднее находился на дипломатической службе в Будапеште и Японии. Сотрудничал в различных российских журналах либерального направления, был прекрасным знатоком североамериканской действительности, являлся сторонником вмешательства государства в экономику, считая, что оно явится посредником в достижении социального благополучия. Выступал за постепенную либерализацию общественной жизни и даже положительно отзывался о некоторых аспектах умеренных социалистических учений²¹.

Деятельность в Мексике де Воллана и его предшественника на посту поверенного в делах и секретаря российской миссии в мексиканской столице Павла Тахала позволила Санкт-Петербургу ознакомиться со сложной социально-экономической и политической обстановкой в стране, а также ее позицией по международным вопросам. В 1906 г. Тахал информировал Министерство иностранных дел России о мексиканском рабочем движении и о деятельности мексиканских революционеров в Соединенных Штатах.

Санкт-Петербург был также проинформирован о проекте строительства железной дороги на перешейке Теуантепек в качестве альтернативы Панамскому каналу²². Де Воллан подробно информировал о японском проникновении в Мексику, особенно о японской иммиграции в эту страну, и об отношениях между Мексикой и Соединенными Штатами в контексте противоречий этих двух государств. Де Воллан отдельно остановился на переговорах с государственным секретарем США Элиотом Роотом в 1907 г. Его визит, по мнению де Воллана, был вызван обеспокоенностью Соединенных Штатов активностью Японии в Мексике. Согласно информации российского посланника, по слухам, ходившим среди иностранных дипломатов, японцы готовили базы в Мексике на случай войны с Соединенными Штатами. Эти слухи, распространяемые германскими дипломатами, совпадали с намеками японского посланника в Мексике о том, что весь регион Центральной Америки и Мексика должны входить в зону японского влияния. Де Воллан подчеркивал геостратегическое значение Мексики в случае столкновения между американцами и японцами²³. В том, что касается соглашения об использовании американцами бухты Магдалена в мексиканской Калифорнии, де Воллан отметил, что прием Роота в Мексике был организован таким образом, что из-за бесконечных праздников, устроенных мексиканцами для Роота и его семьи, у госсекретаря просто не было времени для обсуждения важных вопросов и проведения дипломатических переговоров²⁴.

Де Воллан предпринял усилия для укрепления отношений между Россией и Мексикой в политической и торговой областях. В своем докладе в 1908 г. российскому министру иностранных дел Александру Извольскому, де Воллан указал на растущее значение стран Латинской Америки и особенно Мексики в связи с «их соседством с Соединенными Штатами и близостью к Панамскому каналу». Де Воллан писал также о соперничестве в Мексике между европейскими великими державами, Соединенными Штатами и Японией и о позитивной роли этих стран в поддержке мирных инициатив, выдвигаемых Россией. В частности, он отмечал, что позиции этих стран, принимавших, благодаря инициативам России и Мексики, участие во Второй мирной конференции в Гааге в 1907 г., сталкивались с позицией США в пользу российской дипломатии²⁵.

Касаясь отношений между Мексикой и Соединенными Штатами, официальная газета российского правительства «Россия» подчеркивала растущее недовольство во всей Латинской Америке экспансионистской и интер-

Российский посланник в Мексике барон Роман Розен

венционистской политикой США. Так, писала газета, вмешательство этой страны во внутренние дела Никарагуа в 1909—1910 гг. вызвало в Мексике «большое недовольство»²⁶.

Поэтому неслучайно, что мексиканская поддержка инициатив российской дипломатии, а также значение Мексики в Центральной Америке и ее приверженность принципам международного права были отмечены пожалованием в 1909 г. президенту Диасу самой высокой российской награды — ордена Александра Невского. В приветственной речи, произнесенной Де Волланом, российский дипломат даже сказал, что имя Диаса будет помещено «среди имен великих благодетелей народов»²⁷.

Де Воллан также информировал свое правительство о политических интересах Германии в Мексике и о личных контактах Вильгельма II и Диаса. В этом контексте он отмечал активную роль недавно назначенного (в 1909 г.) германского посланника в Мексике Буенца, бывшего ранее генеральным консулом Германии в Нью-Йорке²⁸. Интересно заметить, что мексиканские дипломаты также информировали свое правительство о проявляемом в российских официальных кругах интересе к изменениям, произошедшим в мексиканской экономике при правлении Диаса²⁹.

Любопытно отметить, что посол Мексики в России Карлос Америко Лера (1907—1912) ранее был коллегой Извольского в Японии, где они представляли свои страны при дворе микадо. Поэтому Лера без труда был представлен российскому императору.

Лера информировал Мехико о том, что Николай II уделил ему большое внимание и удостоил длительной личной беседы (редкий случай при приеме латиноамериканских дипломатов), выразив «самую сердечную симпатию господину генералу Диасу». Во время почти неформальной беседы с мексиканским дипломатом после вручения им верительных грамот царь даже произнес речь, что было мало привычно при подобных церемониях³⁰.

Но не только российские дипломаты и государственные деятели проявляли постоянно растущий интерес к Мексике и объявляли себя приверженцами порфиристского режима; в правительственных кругах России, связанных с торговлей и экономической деятельностью, также наблюдалась явная симпатия к Мексике и раздавались голоса в пользу развития экономических отношений между двумя странами.

В 1909 г., после кампании в российской прессе, инициированной журналом Министерства финансов России «Вестник финансов, промышленности и торговли», Россия и Мексика заключили торговое соглашение. В 1908 г. этот влиятельный еженедельник, размышляя по поводу российско-мексиканского торгового сближения в контексте бесспорного значения Мексики в системе международной торговли, писал, что благодаря близости к Соединенным Штатам и огромным природным ресурсам Мексика со всей латиноамериканской энергией вступила на путь быстрого экономического и промышленного развития и в короткий срок приблизилась к модели современной индустриальной страны³¹.

Еженедельник также уделил большое внимание межконтинентальной железной дороге в Теуантепеке. Отмечалось ее значение не только для снижения стоимости перевозок между портами США на атлантическом и тихоокеанском побережьях, но и для связи Европы с Азией. Техническая оснащенность и скорость движения давали железной дороге на Теуантепеке явное

преимущество по сравнению с железной дорогой в Гватемале и проектом Панамского канала³².

Развитие железнодорожной сети Мексики за время правления Диаса получило высокую оценку. В 1906 г. российская миссия в Мехико сообщала, что финансовое положение страны позволило правительству республики превратиться в главного акционера железных дорог, связывающих Мексику с Соединенными Штатами. Де Воллан отмечал, что порфиристскому режиму удалось привлечь большие финансовые средства для промышленного развития страны, что привело к возникновению рабочего движения. По мнению российского дипломата, мексиканское население не просило больших материальных благ, но легко возбуждалось и, не думая о последствиях, прибегало, к «самым радикальным методам борьбы против капитала»³³.

«Вестник финансов, промышленности и торговли» отмечал, что по протяженности железнодорожной сети Мексика в 1808 г. занимала второе место в Америке после Соединенных Штатов. В 1903 г. около 100 мексиканских железных дорог перевозили почти 7 млн т грузов и более 50 млн пассажиров по сравнению с 133 т и немногим более чем 4 млн пассажиров в 1876 г. В 1903 г. в стране также имелись 265 км трамвайных путей, по которым ежегодно перевозилось 40 млн пассажиров и которые приносили около 3 млн долл. Российский официоз отмечал, что ни одна страна в мире не могла сравниться с достижениями Мексики в столь впечатляющем развитии железнодорожной сети менее чем за 30 лет³⁴. Мексиканские железные дороги, в частности проходившие по территории богатого штата Сонора, соединялись в Ногалесе (Аризона) с американской железнодорожной сетью и получали таким образом выход на калифорнийскую территорию США. Даже после сооружения Панамского канала железнодорожное сообщение через полуостров Теуантепек оставалось более коротким и быстрым путем сообщения между азиатскими странами, Соединенными Штатами, Канадой и Западной Европой. Проводилась также ускоренная модернизация мексиканских портов. На эти работы правительство Диаса израсходовало только в Веракрусе около 27 млн долл.

Важно отметить, что автор этого подробного исследования о мексиканской экономике и торговле указывал, что экономический рост, особенно в промышленности, был вызван торговым *бумом*, однако при этом нужно было также учитывать энергичные меры мексиканского правительства, направленные на упорядочение и развитие торговых отношений с западными странами. Так, реформа аппарата Секретариата (министерства) по внешним связям, особенно его разделение на два департамента, один из которых занимался собственно политическими вопросами, а второй экономическими и торговыми проблемами, позволила, с российской точки зрения, придать новый импульс мексиканской внешней торговле³⁵.

В опубликованном в русском еженедельнике очерке уделялось много внимания развитию других производительных сил Мексики: сообщалось об обширной ирригационной программе мексиканского правительства и о росте богатства Мексики благодаря превращению обширных пустынь на севере страны в цветущие сельскохозяйственные поля. Благодаря этому экспорт мексиканских фруктов мог быстро превратиться в важный источник доходов страны.

Что касается интересов иностранных торговых компаний в Мексике, в очерке приводились сведения не только о традиционных интересах англичан, североамериканцев, немцев и французов. Французское правительство открыло в одном из мексиканских портов специализированное агентство по продаже французских вин, а французская автомобильная компания «Packard» открыла агентство по продаже автомобилей.

Канадское правительство также проявляло в Мексике коммерческую активность. Канадское коммерческое бюро в Мехико занималось, прежде всего, закупкой хенекена — сырья для производства канатов, которые затем продавало Мексике, избавляя ее таким образом от зависимости от американских посредников.

Автор также отмечал наличие больших возможностей для России на мексиканском рынке, особенно для российской металлургической промышленности, поскольку Россия могла поставлять свою продукцию как через Атлантический, так и через Тихий океан³⁶. Однако журналист преувеличивал подъем мексиканской промышленности. Не умаляя значения сельского хозяйства и животноводства, являвшихся, по его мнению, главными отраслями национальной экономики, он писал, что промышленные предприятия появляются в Мексике, как «грибы после дождя». Ссылаясь на данные мексиканской статистики, очеркист писал, что в 1902 г., когда, по его мнению, начался подъем национальной промышленности, в стране уже существовало 6234 промышленных предприятия, насчитывавших 177992 рабочих и имевших капитал около 145 млн песо³⁷.

Автор очерка — русский журналист Савицкий — отмечал впечатляющий рост мексиканской горнодобывающей промышленности, добычи угля на севере страны, развитие нефтяной промышленности с участием одной из ведущих американских нефтяных компаний «Тексако Ойл», основной базой которой являлся порт Тампико. Также говорилось о развитии сахарной промышленности, в том числе общества «Эль Потреро», сахарные заводы которого в то время являлись самыми передовыми по своей технологии³⁸. Савицкий описывал успехи мексиканского сельского хозяйства, увеличение экспорта чили и мексиканского перца, разведение чая в провинции Оахака (вероятно, речь шла о травяном чае yerbabuena) и достижения животноводства, представленные на национальной животноводческой выставке, организуемой ежегодно в Койоакане.

В общем, очерк представлял собой настоящий панегирик экономическим усилиям, предпринимаемым Мексикой под мудрым и хорошо спланированным руководством правительства. Русский журналист подчеркивал, что те, кто посещал Мексику шесть или восемь лет назад, т.е. в 1900 г., сейчас не могут поверить, «что это та же самая страна», поскольку степень развития позволила порвать с «патриархальной родиной ацтеков» и приблизил ее к образцу современной индустриальной страны³⁹.

Статья Савицкого своим оптимизмом очень отличалась от опубликованного в том же еженедельнике в 1896 г. обзора, подготовленного российским поверенным в делах в Мексике. В составленном без прикрас официальном документе дипломат сосредоточил внимание на той роли и месте, которые каждая из стран занимает на мексиканском рынке, при этом он подчеркивал, что в Мексике, как и в остальных странах Америки, каждое иностранное государство контролировало определенную сферу коммерче-

ской деятельности. Так, Соединенные Штаты занимались строительством железных дорог в качестве младших партнеров англичан и, кроме того, модернизировали порты и занимались банковской деятельностью. Американцы также вели торговлю промышленным оборудованием, хлопком, продукцией нефтехимической промышленности, занимались финансовыми спекуляциями и экспортом древесины. Французы и бельгийцы продавали в Мексике предметы роскоши, химическую продукцию; французы даже основали в Орисабе фабрику по производству бумаги. Испанцы торговали так называемыми «колониальными товарами», такими, как вина, а итальянцы занимали заметное место в ресторанном бизнесе. Российский дипломат отмечал, что немцы почти полностью контролировали торговлю металлическими изделиями, продавали лампы, мебель и изделия из дешевых тканей, бронзу, металлы, посуду и даже открыли несколько банков⁴⁰.

Реляции русских консулов в Мексике об экономическом развитии страны были еще более интересными и профессиональными. Так, консул Г.Ванаг, по специальности инженер-нефтяник, делая подробный анализ развития мексиканской нефтяной и нефтехимической промышленности в последние годы правления Диаса, сообщал, что только в восточной части страны запасы нефти превосходили запасы всей зоны Пенсильвании и что с 1907 по 1911 г. добыча нефти увеличилась в 11 раз. Он также отмечал, что запасы нефти были открыты в Халиско, Мичиокане, Кампече, Чьяпасе, Табаско Чиуауа и Нижней Калифорнии, но вся добыча сконцентрирована в Тамаулипасе и Веракрусе, и 90% всей нефти добывается на скважинах Тампико, и из этого порта она в больших количествах экспортируется в Соединенные Штаты и в меньших объемах — в Европу. Нефтяная промышленность полностью контролировалась английской компанией «Eagle», а также «Standart Oil» и «Waters Pierce». В сообщении приводились технические данные о качестве нефти, способах ее добычи и сведения о соперничестве нефтедобывающих компаний в Мексике и делался вывод о том, что на ближайшую и среднесрочную перспективу, учитывая рост потребления нефти внутри страны, почти не обладающей другими энергетическими ресурсами, ее добыча не окажет влияния на международный рынок⁴¹.

В заключение важно принять во внимание следующее: порфиристская Мексика рассматривалась многими русскими наблюдателями, особенно путешественниками, большая часть которых явно придерживалась либеральных взглядов, как своего рода либеральная прогрессивная республика, достигшая успеха в ряде областей, и даже более подготовленная к позитивным социальным и экономическим изменениям, чем царская империя*⁴². Подобный взгляд в политических кругах страны, у руководителей ее внешней политики и международных экономических отношений формировали и сообщения российских дипломатов и консулов.

Лидеры великой империалистической державы, которая в конце XIX—начале XX вв. быстро и достаточно эффективно расширила политические и

* К сожалению, автор не поддерживает эти утверждения конкретными ссылками. Столь хвалебные оценки тем более звучат безосновательно, если учесть, что в 1910 г. в Мексике началась буржуазно-демократическая революция, свергнувшая режим Диаса. Жаль, что нет ни слова о заметном влиянии на Мексику революции 1905—1907 гг. в России.

экономические отношения с латиноамериканскими странами, не без основания считали Мексику одним из основных партнеров России в регионе.

Российские правительственные круги не только были в курсе основных направлений внутренней и внешней политики режима Диаса, но и имели свое представление об экономических и социальных проблемах Мексики. Ее внешняя политика воспринималась ими как поиск баланса в отношениях с Соединенными Штатами и великими европейскими державами. Также учитывалась позиция Мексики в отношениях со странами Центральной Америки.

Важно отметить, что фигура дона Порфирио Диаса воспринималась в Петербурге как единственная гарантия мира, политического и социального порядка; в нем видели истинного вождя, способного управлять Мексикой — слабой и раздробленной страной, находящейся в опасном соседстве с Соединенными Штатами. Таким образом, прогресс и дальнейшее развитие Мексики связывались в официальном российском представлении с фигурой Диаса и с политикой мексиканского либерализма.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ См. W.R i c h a r d s o n. Mexico Through Russian Eyes 1806—1940. Pittsburg, 1988; Н.С á r d e n a s*. Historia de las relaciones entre México y Rusia. México, 1993, p. 128—141; Т.Ю.Н е ч а е в а. Иностранная интервенция в Мексику в зеркале русской печати. — Латинская Америка, 1994, № 1, с. 107—112.

² Российский государственный архив ВМФ (РГАВМФ), фонд 417, дело 329, лист 7, листы 10—10 оборотная сторона.

³ РГАВМФ, фонд 417, дело 329, л. 14.

⁴ Там же, л. 15.

⁵ J.d e D í o s B o n i l l a. Historia marítima de México. México, 1962, p. 428.

⁶ РГАВМФ, ф. 417, дело 329, листы 19—78.

⁷ Относительно мексиканского военно-морского флота см.: L.R i v e r a. Desarrollo institucional, reclutamiento, orígenes sociales y profesionalización en la Armada Mexicana, 1821—1941. México, 1999.

⁸ К 100-летию установления дипломатических отношений между Россией и Мексикой (документы). — Вестник Министерства иностранных дел СССР, № 23 (81), 15 декабря 1990, с. 62.

⁹ РГАВМФ, фонд 417, дело 329, листы 2, 5, 6—7, дело 1515, листы 6—30 оборотная сторона.

¹⁰ Архив внешней политики Российской Империи (АВПРИ), фонд 137, дело 103, листы 99—102; 106 оборотная сторона — 108.

¹¹ АВПРИ, фонд 137, дело 108, лист 53, оборотная сторона.

¹² Там же, листы 53—54 оборотная сторона.

¹³ АВПРИ, фонд 137, дело 124, листы 92—92 оборотная сторона.

¹⁴ Там же, листы 93—93 оборотная сторона.

¹⁵ АВПРИ, фонд 137, дело 126, листы 132—132 оборотная сторона.

¹⁶ АВПРИ, фонд Канцелярия, 1891, доклад 470, дело 68, листы 19—23 оборотная сторона, 26—28.

¹⁷ Там же, листы 44—44 оборотная сторона.

¹⁸ Boletín Oficial de la Secretaría de Relaciones Exteriores, tomo VII, 1898, p. 287—288.

¹⁹ Th.S c h o n o v e r. The Spanish-Cuban-America War and Advance of US Liberal Capitalism in the Caribbean and Pacific Region. en W.L.Bernecker (comp.), 1898: su significado para Centroamerica y el Caribe, Latinamericka-Studen, 39, Univeristat Erlangen-Nurenberg, 1977, p. 71—72; Th.S c h o n o v e r. Los intereses de los Estados Unidos y Europa en las relaciones México — Guatemala. México, 1995, p. 9—10; L.M ú ñ o z. El Caribe y México a finales del siglo XIX, 1890—1898. — Revista Mexicana del Caribe, Num. 3, 1997, p. 96—107.

* Автор книги один — Н.Сárdenas. На титуле книги (после обложки) вставка: «En colaboración con Dik».

²⁰ Boletín Oficial de la Secretaría de Relaciones Exteriores, tomo XXIII, 15 de diciembre de 1906, p. 67.

²¹ См. H. C á r d e n a s. Op. cit., p. 128; W. R i c h a r d s o n. Op. cit., p. 70—76; Г.А.Де В о л л а н т. Очерки прошлого. — Голос минувшего, № 2, февраль 1914, с. 170—190.

²² АВПРИ, фонд Канцелярия, отчет 470, 1906, дело 103, листы 20—20 оборотная сторона, 39—40.

²³ Там же, 1907, дело 94, листы 27—28 оборотная сторона.

²⁴ Там же, листы 49—50 оборотная сторона.

²⁵ Там же, 1908, дело 100, листы 2—3.

²⁶ Россия, 2 июля 1910 г.

²⁷ АВПРИ, фонд Канцелярия, отчет 470, 1909, дело 100, лист 18 оборотная сторона. El Imparcial, 21 de abril de 1909.

²⁸ АВПРИ, фонд Канцелярия, отчет 470, 1909, дело 100, листы 21, оборотная сторона — 22 оборотная сторона.

²⁹ Archivo de la Política Exterior Mexicana. Archivo de la Embajada de México en Estados Unidos, tomo 170. 1907, F. 828.

³⁰ Ibid., L-E-1284, Ff. 36—37.

³¹ Вестник финансов, промышленности и Торговли, № 12, 23 марта 1908, с. 440—441.

³² Там же, № 38, 21 сентября 1908, с. 485—486.

³³ АВПРИ, фонд Канцелярия, отчет 470, 1906, дело 103, листы 66—67.

³⁴ Вестник финансов, промышленности и торговли, с. 441—442.

³⁵ Там же, с. 442.

³⁶ Там же, с. 442—443.

³⁷ Там же, с. 441.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Вестник финансов, промышленности и торговли, № 19, 1986, с. 464—465.

⁴¹ Российский государственный исторический архив (РГИА) Общий исторический архив России. Петербург, фонд 23, отчет 11, дело 12, 1910, листы 3—5.

⁴² H. C á r d e n a s. Op. cit., p. 139—141; W. R i c h a r d s o n. Op. cit., p. 63—95.

Перевод Е.МИЛЮТИНА